

О ЯЗЫКЕ ДИПЛОМАТИИ

© А. А. ТИМОФЕЕВ

В статье анализируется употребление терминов международного общения. Даются определения языка дипломатии, ключевого слова в дипломатическом документе, слова-ярлыка, а также фигуры текста международной коммуникации.

Ключевые слова: язык деловой прозы, история жанра русского документа, деловая терминология дипломатии, стилистика делового документа, риторика.

Дипломатия – это сложный, а местами весьма противоречивый вид деятельности. Язык дипломатии имеет несколько определений. Мы выделяем две основные, принципиально отличающиеся друг от друга дефиниции:

во-первых, это язык, на котором ведутся официальные дипломатические сношения и составляются международные договоры;

во-вторых, это совокупность специальных терминов и фраз, составляющих общепринятый дипломатический словарь, а также правил подачи, составления и обращения текстов. Именно подобное определение рассматривается в рамках филологического анализа дипломатических текстов.

Стоит отметить, что количество чисто дипломатических терминов в области международных переговоров весьма незначительно. В большинстве своем – это общая деловая, а иногда даже повседневная лексика. Однако очень важным является употребление того или иного термина непосредственно в контексте, т.е. в определенной исторической ситуации и в определенном жанре (как отношения пользователя текста к действительности) делового письма.

Термины в дипломатии составляют особую закрытую систему. В языке дипломатии очень важно максимально полно охарактеризовать то или иное явление жизнедеятельности (для полноты описания и правильности понимания подобные определения выражаются несколькими короткими предложениями – дефинициями). Например, в Женевской Конвенции весьма четко прописано определение наемника. Наемником считается лицо, которое: специально завербовано на месте или за границей для того чтобы сражаться в вооруженном конфликте; принимает непосредственное участие в военных действиях; участвует в военных

действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил [1].

Исходя из этого определения, ни солдаты Иностранного легиона французской армии, ни военнослужащие частей непальских гуркхов британских вооруженных сил не являлись наемниками, так как, хотя эти части и были сформированы из иностранцев, их вознаграждение соответствовало вознаграждению обычных военнослужащих.

Подобная полнота определения и одновременно краткость формулировок является необходимым условием языка дипломатии. Данная особенность исходит из принципа универсализма – стремления донести до участника международного общения основной смысл документа.

Многие термины, употребляющиеся в дипломатической среде, имеют синонимы. Однако, в отличие от неспециализированной лексики, такие синонимы обладают своими нюансами значений, которые являются чрезвычайно важными для описания того или иного явления. И здесь дипломат сталкивается с проблемой – какое слово нужно употребить, исходя из определенных жизненных реалий. То есть как наилучшим образом составить свою речь, чтобы, с одной стороны, со всей полнотой донести до собеседника свою мысль, а с другой стороны – не уязвить достоинства своего контрагента.

Речь – это индивидуальный продукт отдельного человека. А следовательно, выбор лексических единиц – равно как и поиск нужного слова для обоснования своей точки зрения – остается за дипломатом. Дабы подчеркнуть свои истинные намерения, специалист в области международных переговоров должен четко представлять себе объем понятия термина, который будет выдвинут для правильной передачи мысли. Собственно, термин в дипломатическом тексте – это и ключевое слово (т.е. опорное слово для точности передачи своего замысла), и своего рода логический топ, от которого определенным образом строится дальнейшая аргументация [2].

Во времена существования классической дипломатии (1648–1919 гг.) языком международного общения был французский, очень точный язык, учитывающий мельчайшие нюансы значений в любом термине.

В дипломатических документах четко прослеживается градация того или иного значения. В качестве примера можно привести следующую оценку: недовольные (*mecontes*) – восставшие (*insurgents*) – восстание (*insurrection*) – бунт (*rébellion*) – бунтовщики (*Rebels*). Прокомментируем каждый член данной цепочки:

недовольные – группа людей, которую не устраивают определенные моменты государственной деятельности; однако данная группа не предполагает открытой силовой конфронтации с официальной властью;

повстанцы – лица, открыто выступающие против официальной власти силовыми методами;

восстание – совокупность силовых действий с целью сменить власть на определенной территории;

бунт по своему значению идентичен *восстанию*, однако является оценочным словом. Обычно бунтом называют неудавшиеся восстания; как правило (из анализа исторических источников), слово *бунт* часто употребляет административная верхушка той страны, на территории которой происходит восстание, с целью заклеймить участников движения как вредоносных элементов государства.

Дипломат по своему долгу должен быть одновременно мягок в формулировках, но в то же время предельно точен. Потому М.М. Бакунин [3] (посол по особым вопросам в Боснии) во время боснийского кризиса второй половины XIX века чаще всего употреблял нейтральное слово *восставшие*, в то время как Порты (орган международных связей Османской империи) была категорична в своих высказываниях, клеймя всех восставших словом *бунтовщики* (*asi*).

Здесь стоит выделить из общего числа терминов так называемые слова-ярлыки. Определение словаря Ожегова: ярлык – формальное, не отличающееся глубиной определение, характеристика чего-либо, как правило, отрицательная. В дипломатической сфере ярлык – определение, характеристика чего-либо (как правило, отрицательная), которая дается с учетом личной заинтересованности/корысти в том или ином дипломатическом вопросе.

Как определить слово-ярлык?

Обычно слово-ярлык носит оценочный характер, как правило негативный. Будучи разложенным на дефиниции, оно может быть лишено одной или нескольких обязательных составляющих, или же ему будут соответствовать части, которые не совпадают с реальной действительностью.

Дипломатические термины возникают в пределах определенного жанра международного общения и традиционно функционируют в рамках одного жанра. Слово-ярлык выносится из жанровой системы, нарушает традиционность (с формальной точки зрения) и вносит искажение непосредственно в процесс дипломатической коммуникации.

Слово-ярлык не перестает быть термином, а следовательно – ключевым словом в построении аргументации. В классической дипломатической традиции политики намеренно избегали употребления ярлыков. Они отлично понимали, что слово-ярлык, имеющее в своей основе личные умозаключения/переживания, способно превратить выступление в фарс. Но все же подобные ключевые слова могут помочь заострить внимание собеседников на отдельных моментах и придать речи дипломата большую убедительность.

Слова-ярлыки появились в Новой дипломатии (с 1919 года) и активно используются современными политиками. Однако главной причиной их возникновения является стремление дипломата отстоять свою точку зрения любыми способами. Оно и понятно – от результатов переговоров зависит дальнейший ход истории. Выбор слова невольно отходит на второй план, и со временем подобное отношение специалистов в области международной коммуникации привело к возникновению слов-ярлыков. Первоначально же слова-ярлыки были *фигурами речи*.

Фигура – это абстрактная единица дипломатического текста, обеспечивающая интеллектуальную, информационную и риторическую ценность. Данный термин можно сравнить с определением языка Фердинандом Соссюром: «язык – это форма, а не субстанция...». Подобный подход можно применить и к определению фигуры. Она может иметь «нулевую форму» (быть чисто субстанцией) и просто выражать основное содержание текста, т.е. выполнять только информативную функцию. Но реализация фигуры – это уже форма, оформление того или иного аргумента.

Отсюда можно заключить, что в дипломатической деятельности имеется оппозиция «фигура (как субстанция) – реализация фигуры (как форма)» (далее – просто *фигура-субстанция* и *фигура-форма*). Отсутствие реализации не обозначает снижение качества текста, так как жанр дипломатической коммуникации, а также вид международного диалога накладывают определенные рамки на употребление фигур. Так, трудно встретить *фигуру-форму* в тексте крупного международного соглашения – столь серьезные обстоятельства создания документа требуют ясности, четкости и краткости изложения. То же относится и к организационно-распорядительным бумагам. Но фигуры мы встречаем в самом процессе переговоров (особенно с большим числом его участников), зафиксированные в протоколах заседаний.

Фигура-форма обуславливает необходимость выбора слова/словесного ряда (ключевого слова) – какое слово/конструкцию следует употребить дипломату (исходя из определенных жизненных реалий). Как наилучшим образом составить свою речь, чтобы, с одной стороны, со всей полнотой донести до собеседника свою мысль, а с другой – не уязвить достоинства своего контрагента. При этом можно выделить следующие свойства фигур-форм:

1) фигуры имеют оценочный характер (в большей или в меньшей степени). Как показывают наблюдения, политики классической дипломатии характеризуют действия своей страны с лучшей стороны, действия страны-оппонента описываются нейтрально. Современные же дипломаты нейтрально представляют действия своего государства и жестко критикуют своего противника;

2) жанровая система задает строгие словесные наборы для реализации фигур. Так, документы организационно-распорядительной деятельности (сообщения и письма между руководством и зарубежными дипломатическими представительствами) запрещают использование фигур;

3) огромное значение в реализации фигур имеет система топов. Фигура-форма, связанная с внешним топом, раскрывает тактику речи дипломата. Направление движения мысли, заданное тем или иным логическим топом, накладывает определенные ограничения на выбор слов и конструкций;

4) выбор слов и конструкций находится в рамках свойств верной речи;

5) как показывают наблюдения, те фигуры-формы имеют наибольшую силу, где используются аргументы к авторитету/морали/факту.

Из всего перечисленного логичным выглядит вопрос: что же отличает фигуру дипломатического текста от слов-ярлыков? Как показывают наблюдения – оформление слова/словесного оборота. Специалисты в области международных переговоров классической дипломатии крайне редко сосредоточивались на отдельных действиях контрагента, а подавали картину целиком. Например, князь Горчаков писал в своей депеше, направленной на отмену действия договоров Парижского трактата 1856 года (фигуры выделены курсивом):

...державы, подписавшие трактат, полагали, что это начало должно было устранить всякую возможность столкновений как между прибрежными государствами, так равно и между последними и морскими державами. Оно должноствовало умножить число стран, пользующихся, по единогласному уговору Европы, благадеяниями нейтрализации, и, таким образом, ограждать и Россию от всякой опасности нападения...

В самом деле: *в то время, как Россия разоружалась в Черном море и даже, посредством декларации, включенной в протоколы конференции, прямодушно воспрещала самой себе принятие действительных мер морской обороны в прилежащих морях и портах, Турция сохраняла право содержать в Архипелаге и в проливах морские силы в неограниченном размере...*

Как видим из этого текста, фигуры представляют собой словесные обороты, а не термины. Это является необходимым условием дипломатичности того или иного текста; термины строго определяют явления действительности, в то время как фигуральные обороты направляют и

развертывают мысли дипломата, предоставляя ему большее пространство для маневра, чем сухие термины и крайне поверхностные в своем употреблении слова-ярлыки.

Литература

1. Женевская конвенция 1977, Дополнительный протокол § 14 ч. 11.
2. Волков А.А. Теория риторической аргументации. М., 2009.
3. Фонды МИД России. Ф. 137, Отчеты МИД Российской Империи, 1830–1916.
4. Устав ООН, Декларация о принципах международного права от 24 октября 1970 г.
5. Устав ООН, Декларация Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г.

МГУ им. М.В. Ломоносова